

СЕРГЕЙ ОВЧАРОВ:

Держать удар, как в боксе

Культура. - 1998. - 10-16 сент. - с. 11

Сергей Овчаров в большом кино не работает с 92-го года. Между тем жизнь продолжается, словно помимо воли режиссера. В английских кино клубах, например, показывают его фильмы "Оно", "Барабаниаду", британские студенты на них не только обучаются режиссуре, но и постигают гуманитарные дисциплины.

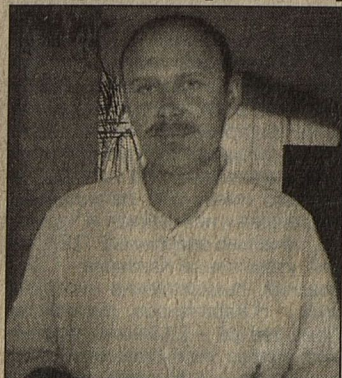

Фото автора

В течение простояных семи лет я не бездельничал. Сценарии писал. Снял клип для Юрия Шевчука. Все пытался доказать, что клип — тоже вид искусства. Работал вначале у Любимова на Таганке как очередной режиссер, потом в "Содружестве актеров Таганки". В последнее время увлекся телевидением. Если получится, сделаем для НТВ несколько пятнадцатиминутных комедийных серий о взаимоотношениях мужчин и женщин в разные эпохи. Египетскую фреску мы уже оживили в маленькой моссфильмовской студии компьютерной графики "Бегемот". Потом снимем истории про любовные похождения Зевса. Это — некие псевдоисторические исследования, проведенные при помощи игрового кинематографа. Хотя получается нечто среднее между кино с его безусловностью, телевидением и театром, который, как известно, является искусством условным.

Вообще-то моей первой любовью был театр, более высокое искусство, нежели кино. Я работал в московских театральных студиях в семидесятые годы — в годы их бума. Как раз в ту пору учился в мастерской Григория Рошаля на экспериментальном курсе в Институте культуры. Учитель наш ушел тогда из ВГИКа и увел за собой часть педагогов. У нас образовался своего рода филиал Института кинематографии, свободный от предрассудков того времени.

Когда по прошествии двадцати лет я вернулся в театр, то столкнулся с чудовищной рутинной, апатичной, артистическим невежеством. Это уже не тот вольный, бесбревенный дух студий моей студенческой поры. Эфроса на Таганке в свое время ведь замордовали. Только он был утонченный, рафинированный интеллигент, а я нет. Меня замордовать невозможно, потому что я прошел школу кино. Из театра я ушел красиво или нет, не знаю. Спонсоры забрали декорации так и не состоявшегося спектакля в "Содружестве актеров Таганки" по пьесе Леонида Филатова "Про Федота-стрельца...", но я все равно его где-нибудь поставлю. И пока не сделаю этого, не успокоюсь.

Сергей, вы ведь штатный режиссер "Ленфильма". Худо ли бедно, ваши коллеги что-то там снимают.

Бессмысленно иногда начинать фильм, а потом останавливаться и ждать денег годами. Артисты стареют. Люди успевают забыть, о чем же они когда-то снимали картину. Что-то растаскивается, не доходит до производства. Оптимизма все это не вызывает. Не хочется вариться в таком котле.

Существует и другая крайность. Многие думают лишь о том, как бы выстрелить произвесте. Куда — неважно. Чаще всего такие люди обречены на пальбу в воздух, без попадания в цель. Не спешка, не суматоха, а творческий процесс должен иметь место. Режиссер — не машина. Не понимаю, когда кинематографисты хвастают тем, что сняли фильм за неделю: "Мы полумертвые, ничего не соображаем". Счастливы не тем, что сделали, а тем, что просто закончили снимать. Забывают о том, что вначале

происходит зачатие, вынашивание, а потом уж роды.

Рассуждая подобным образом, можно так никогда больше и не снять ничего.

Мой девиз — лучше не снять, чем снять очень плохо. Мне запала в душу фраза Тарковского о том, что каждый фильм должен быть поступком: гражданским или художественным. Я так и пытался поступать. Глеб Панфилов, у которого я учился на Высших режиссерских курсах, а он очень жесткими мужскими методами воспитывал нас, сказал как-то: "Я научу тебя держать удар, как в боксе. Быют по морде, а ты не падаешь. Держишься на ногах, хоть и больно". Нельзя идти на компромисс, братья за те фильмы, которые неинтересны тебе, а следовательно, не будут ничего значить для кино, станут эрзацем культуры.

А не кажется ли вам, что это высокомерие — так рассуждать? Особенно это относится к тем, кто имеет большие возможности. Никита Михалков вот наступал на малобюджетное кино, а что делать людям, для которых иных шансов, кроме малобюджетных проектов, не существует?

Михалков, я думаю, говорил о "малобюджетности" результата, к которому, кстати, приводят в том числе и малые деньги. Сам я пытался тоже делать камерные фильмы, но мне это неинтересно. Пока. В кино должны быть деньги. Это же фабрика, производство. Нищее искусство для нищих — это не кино, а какое-то другое искусство. Наше малобюджетное кино выродилось в псевдокоммерческое направление с убийствами, монстрами, насилием. Опять-таки Тарковский говорил, что должен быть просвет. Чем темнее история, тем больше должна она в итоге давать надежды. Я за малобюджетные, но высокохудожественные фильмы. Они появляются.

Вся моя беда в том, что я не иду к результату. Меня интересует процесс поиска. Работая, я ведь даже не качества добивался, а смешивал растворы. А алхимия — это не всегда достижение результата. Я все время плыву против течения. Времена меняются, а для меня ничего не меняется. Я — не

политизированный, не социальный режиссер, плохой организатор, никакой вождь.

Если вдруг вам завтра скажут: "Есть деньги — снимай!" — вы готовы к такому повороту событий? Не утрачивает ли режиссер свое умение за время многолетнего простоя?

Все задуманные мною проекты я готов снимать хоть завтра. Накопил за семь лет кое-что. Я не сидел сложа руки, с параноидальной настойчивостью пытался чего-то добиться. А темы... Они буквально хрустят под ногами.

Я так устроен, что сколько бы лет ни проходило, продолжаю бить в одну точку. С 1968 года висит в воздухе мой проект под названием "Конек-Горбун". Это не традиционная сказка, а эдакий "Титаник" номер два, но юмористический, с компьютерными фантазиями. Возможно, осенью осуществится, наконец, этот проект.

Родилась у меня идея построить городок, где не просто бы располагались аттракционы, но где люди находили бы духовно-физиологический отдых. Я сделал подробнейшее описание этого городка, которое начинается с момента приезда в него посетителей на автобусе, того, куда они пойдут и что увидят. Несколько людей даже пытались такой городок построить. Меня принимал и главный архитектор Санкт-Петербурга, но пока ничего не получается. Как видите, я не только кино живу. Нельзя обвинять меня в том, что я не снимаю. Тем более что жизнь гораздо интереснее кинематографа.

Должен вам сказать, что в Питере ко мне безразлично относятся. Мой фильм "Левша" как раз о том, что творец не нужен в нашей стране никому. В Москве чувствую себя более востребованным.

Когда-то я уехал в Ленинград в уверенности, что непременно должен пожить в этом городе, с его особыми людьми и традициями. Но он меня устранил своей апокалиптической. Это огромная могила, мемориальное кладбище, разрушенное и забытое. Былая человеческая его атмосфера теперь растворилась. Когда забыт такой город, как Петербург, — это уже опасно. Хотя сейчас всюду трудно.

Я вдруг понял, что жизнь настолько интересная вещь, а драматургия жизни настолько сильна, что просто стыдно заниматься только кино. Мы свиклись с драматизмом жизни. Нас ничем не удивишь. Зритель мудрее любого режиссера, который ему что-то там громоздит. Сейчас такие страсти творятся на окраинах страны. Какое там кино!

О чем снимать, когда люди живут словно на пороховой бочке? О милых похождениях криминальных авторитетов? Сейчас не утешать надо, а попытаться предотвратить что-то. Я не говорю о том, что необходимо сделать глобаль-

ный политический фильм. Люди ведь могут не только кишки друг другу выпускать, но способны на высокие чувства. Не надо пугать кровавыми историями. Нужно выявлять моменты человеческого участия и соприкосновения. Незнание Кавказа и чванство наших правителей привели к страшным результатам. Чеченская история сбита мой творческий настрой. Бессмысленно даже в какой-то момент было снимать что-то светлое. Солнце было залито кровью. Ненависть, месть, злоба становятся знаменем времени. Но цепную реакцию надо остановить. Бывают моменты, когда искусство не должно будоражить раны, когда надо дать возможность им зажить. Нужно создавать произведения, дающие человечеству альтернативу. Но как и где ее искать? Рассказывать о том, что бандит не зарезал, не убил, а подружился с жертвой?

Существует синдром свидетеля. Человек выжил среди зверств и насилия, вырвался в мирную жизнь, но какими глазами он на нее смотрит. Если бы режиссер выбрался бы из такого пекла, смог преодолеть в себе ненависть и злобу, посмотреть на все со стороны и снять фильм! У такого человека был бы шанс сделать настоящее искусство.

Что бы вы сейчас, Сергей, ни говорили о невозможности заниматься искусством, но когда-то зародилась же в вас эта жажда режиссуры.

Я родился в Ростове-на-Дону. Потом жил в Майкопе. В провинции, кроме кино, раньше ведь ничего и не было. Телевидение тогда не имело такого значения, как теперь. Окна музыкальной школы, в которой я учился, выходили на будущую киномеханику одного из кинотеатров. Оттуда все время доносились звуки, которые завораживали. Потом моя замечательная тетя подарила мне, двенадцатилетнему подростку, книгу о режиссере Владимире Склушине. Прочитав ее, я думал о том, что же это за профессия такая: человек умирает, но продолжает, вцепившись в нее, снимать кино. Кинотеатры на юге во времена моего детства были открытыми. Можно было, взобравшись на пригорок, издали посмотреть фильмы. Это еще больше завораживало. Чаплин вдохновил меня идеей сериала с постоянным героем. Как это хорошо, когда люди в определенное время включают телевизор и видят на экране маленькую историю, происходящую с одним и тем же хорошо знакомым героем. Моя первая история была о "Человеке расейном...", который все делает наоборот. Как сумасшедший, ходил я тогда за людьми, наблюдал за их походками. Очень жалею, что не сумел воплотить свою идею.

Мне нравится фольклорный принцип существования постоянного персонажа типа Петрушки. "Барабаниада" — в принципе такая же история. Кстати, в Берлине мне предложили сделать продолжение фильма. Я даже сценарий написал, действие которого происходит в разных странах, а героями становятся темнокожие, француз, американец и англичанин. Но для такого фильма нужно много денег, которых нет.

Продаться вам надо. Будете фильм за фильмом делать, сериалы в чести на телевидении.

Кому продаться? Дьяволу? Для меня режиссура, к сожалению, не профессия. Я не профессионал. Мой любимый жанр — самопал, а любимая профессия — кинолюбитель. И еще я — пессимист. Правда, в итоге из пессимизма что-то произрастает.

В.Гостюхин в фильме "Левша"

Беседу вела Светлана ХОХРЯКОВА